

Сорок пять лет МХАТ

СОРОК пять лет назад впервые развилулся занавес Художественного театра (занавесы во всех театрах тогда поднимались сверху, а не раздвигались), и зрители, собравшиеся на открытие нового театра, на первое представление трагедии А. К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович», впервые допущенной на сцену, услышали первую реплику Андрея Шуйского:

«На это дело крепко
Надеюсь я».

Первые слова, произнесенные со сцены Художественного театра, оказались пророчеством о его судьбе.

На «дело» Художественного театра при его основании «крепко надеялись» все, кто понимал, что драматический театр пришёл в туник рутинный и шаблона, все, кто жаждал обновления театра вместе с преобразованием всей русской жизни. Художественный театр не просто начинал свою деятельность как четвёртый драматический театр в Москве (вместе с ним в тот же сезон 1899—1899 г. действовали театры Малый, Новый и Корша). Художественный театр, начиная свое дело, объявлял войну старому театру.

«Программа начинавшегося дела, — говорит основатель театра К. С. Станиславский, — была революционная. Мы протестовали и против старой манеры игры, и против театральности, и против ложного пафоса декламации, и против актёрского наигрыша, и против других условий постановки, декораций и против премьера, которое портило ансамбль, и против всего строя спектаклей, явного репертуара тогдашних театров. В своём разрушительном революционном

стремлении ради обновления искусства мы объявляли войну всякой условности в театре, в чём бы она ни проявлялась: в игре, постановке, в декорациях, в костюмах, в трактовке пьес и пр.»

Эта «программа» Художественного театра не напрасно названа Станиславским революционной: в области театра она таковой и была. Она несла с собой утверждение на театре реализма, утверждение правды, мысли и благородной простоты на сцене, утверждение высокой культуры и одуховленной ищности в работе актёра и режиссёра.

На первой же репетиции, при первой встрече с труппой К. С. Станиславский, призывая актёров к дружной работе, требуя от них самоотверженной преданности делу, с глубоким душевным волнением говорил:

«Если мы с чистыми руками не подойдём к этому делу, мы замажем его, испопим и разбредёмся по разным концам России: одни, чтобы вернуться к прозаическим, повседневным занятиям, другие, чтобы ради куска хлеба профанировать искусство на провинциальных сценах. Не забудьте, что мы разойдёмся зажиточными, смеянными поделом, так как мы приняли на себя дело, имеющее не простой, частный, но общественный характер... Мы стремимся создать первый разумный, нравственный, общедоступный театр, и этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь».

О какой законной гордости могут вспомнить теперь ветераны Художественного театра — О. Л. Книппер-Чехова, А. В. Халупина, И. М. Москвина — эти слова его основа-

теля, услышанные ими сорок пять лет тому назад. Надежды на «дело» Художественного театра оправдались в полной мере.

История Художественного театра — это почётная и мудрая летопись борьбы за правду в искусстве, за высоту художественных задач в театре, за силу и искренность служения родине и человечеству оружием искусства.

Ещё в 1900 г., на заре деятельности Художественного театра, А. М. Горький, чье, славанное имя носит теперь театр, с любовным вниманием подметил, что в этом театре «даже плотники любят искусство больше и быстрее, чем многие на известных русских литературов», и писал о том А. П. Чехову. А Чехов, писавший которому Художественный театр дал жизнь и успех, в свою очередь писал Вл. И. Немировичу-Данченко:

«Художественный театр — это лучшая страница той книги, которая будет когда-либо написана о современном русском театре... Это — единственный театр, который я люблю».

Есть отзыв одного из зрителей Художественного театра, отзыв, который невозможно читать без волнения. «Превосходно играют в «Художественном-общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году». Это писал В. И. Ленин в 1901 году.

Много нового, светлого, яркого и глубоко жизненного внес Художественный театр в искусство театра, в мастерство актёра и режиссёра. И до Художественного театра, конечно, великие актёры создавали на сцене великие образы, — кто же

не слышал о Гамлете — П. С. Мочалов, о городячине — М. С. Щепкине, об Орлеанской девице — М. Н. Ермоловой? Но на сцене постоянно отсутствовал величайший из образов — образ народа. В отдельных спектаклях бывали «народные сцены»: толпились статисты, размахивая руками, суетились плохо загримированные лица в русских или римских костюмах, но народ, великий совершитель исторических деяний, на сцене отсутствовал. Впервые появился он в первом же спектакле Художественного театра, в сцене на Юзе, в пьесе «Царь Фёдор Иоаннович». Смотри эту народную сцену, знаменитый артист В. О. Ключевский сказал:

— Я давно знал, чем кончатся народные возмущения в старой Москве, но только тут увидел я, как возникают народные движения.

Ещё полнее раскрылись творческие возможности и стремления Художественного театра в советские годы. Из множества спектаклей, посвящённых Великой Октябрьской социалистической революции и сыгранных в сотнях театров, с наибольшей силой и вместе с тем с поразительной правдой и простотой героическая тема революции прозвучала в спектакле Художественного театра «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова (постановка К. С. Станиславского). Спектакль этот был чудом внешней театральности, был дельцом от показного пафоса, весь был вымерзав в строгих тонах мужественной простоты и сдержанности правды. Его истинным героем был народ, обрастающий в подвиге грядущего и борьбы новой бытине в истории.

За «Бронепоездом» последовал ряд постановок Художественного театра, в которых его прекрасное искусство подымавшее на новую ху-

дожественную высоту. Такие спектакли, как «Горячее сердце», «Мертвые души», «Воскресение», «Анна Каренина», «Враги», «Три сестры», «Женитьба Фигаро», «Тартюф», памяты всем зрителям. Лучшей характеристикой этих постановок могут служить слова Вл. И. Немировича-Данченко: «МХАТ всегда признавал только искусство, насыщенное большими мыслями. Теперь он наполняет свои постановки крупными социальными и политическими идеями. Он хочет, чтобы она перелавались зрителю через совершенную художественную форму, давая зрителю непосредственную и светлую радость». Революция углубила и обновила искусство Художественного театра, связав его прочно с жизнью народа и с устремлениями великой родины, строящей новую жизнь.

Эта творческая близость Художественного театра к народу особенно сильно проявилась в дни отечественной войны.

Новые спектакли театра, показанные в эти дни — «Кремлевские куряты», Н. Погодина, «Фронт Корейчука», «Глубокая разведка» А. Кропа, «Русские люди» К. Симонина, — все эти спектакли посвящены одной теме: теме великого народа, его творческих подвигов, его несокрушимой мощи.

Творческая сила патристического лозунга МХАТ — сражаться оружием искусства за жизнь и счастье народа, за светлое будущее всего человечества — была велика в прошлом и стала еще могущественней в дни отечественной войны.

И, несомненно, великая сила этого лозунга привелёт МХАТ к новым творческим победам на поприще его служения искусству своей страны.

С. Дурылин.

*) В. И. Ленин. Письма к родным. 1894—1919. ГИЗ. Л. 1931. Стр. 362. Письмо к матери от 29/II 1901.